

СЪЕДЕННЫЕ ТЕНЬЮ

АЛЕКСАНДР СОСНОВСКИЙ

18+

Александр Сосновский

Съединенные тенью

«Автор»

2026

Сосновский А. В.

Съеденные тенью / А. В. Сосновский — «Автор», 2026

Майор Певнев прибывает на остров Кизи расследовать загадочную смерть трёх историков. Они умерли от голода, окружённые запасами еды — их тела иссохли за четверо суток, словно организмы пожирали сами себя. Единственная зацепка — древние ритуальные полотенца XVII века, с которыми работала группа перед смертью. Но чем глубже Певнев погружается в дело, тем сильнее реальность расслаивается. Остров Кизи становится ловушкой, из которой нет выхода. р.1.0407

© Сосновский А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Кизи	5
ГЛАВА 2. Запасники	10
ГЛАВА 3. Художник	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Сосновский

Съеденные тенью

ГЛАВА 1. Киж

Голод не приходит сразу. Он подкрадывается медленно, как сумерки в полярную ночь. Сначала это просто пустота в желудке. Потом — слабость в коленях. А на третий день без пищи человек готов есть кору, землю, собственную кожу.

Но страшнее всего — когда голод живёт в голове.

Владимир Певнев знал: тело человека может прожить без еды три недели. Случаи из практики — сектанты в бункере, заблудившиеся грибники, жертвы похищений. Организм сжигает жировые запасы, потом мышцы, наконец, начинает поедать сам себя.

Но чтобы три здоровых человека умерли от истощения за четверо суток, находясь в помещении, полном еды?

Странно. Очень странно...

Катер водной полиции, взревев моторами, начал набирать ход, переходя на глиссирование. Певнев глубже спрятал подбородок в воротник штормовки, пережидая подкатившую тошноту. По инструкции должна была выехать полная следственно-оперативная группа — с криминалистом, фотографом и судмедэкспертом. Но начальство бросило его вперед, как передовой отряд — зафиксировать следы, а остальные должны были подтянуться позднее, когда вернутся с задания из Выборга.

Певнев стоял у борта, вглядываясь в линию горизонта, где из утренней дымки проступали тёмные силуэты деревянных церквей Кижского погоста. Ветер трепал полы его штормовки, капли били в лицо холодными иглами. Но, в отличие от прошлого года, глубины Онеги его почти не пугали. Аквафобия отступила, оставив после себя лишь тупую, ноющую пустоту. Он больше не видел в каждой тёмной волне взывающее о помощи лицо сына. Больше не чувствовал, как крошечные пальцы выскальзывают из его руки в ледяную стремнину весенней реки. Смерть семилетнего Димки сломала его, превратив последний год его жизни в алкогольный и психиатрический ад, но теперь он научился прятать это на самое дно памяти. Певнев мог смотреть на озеро без приступов удушья. Маленькая, выстраданная победа.

— Товарищ майор, минут десять ещё! — перекрикивая рёв мотора, крикнул капитан транспортной полиции, крепкий мужик в накинутах поверх формы оранжевом спасательном жилете. — Причалим у музейной пристани!

Следователь кивнул. Достал из нагрудного кармана мятую распечатку из районного отдела. Бумага уже успела отсыреть от брызг.

«Тройное убийство. Кижский музей-заповедник. Предварительная причина смерти — алиментарная дистрофия третьей степени. Требуется выезд СОГ».

Певнев смотрел на сухие строчки рапорта: алиментарная дистрофия... Казённый, стерильный синоним жуткой, мучительной смерти от голода. Но дежурный по области, когда вчера вечером передавал ему это дело по защищённой связи, добавил деталь, не попавшую в официальную бумагу:

— Владимир, там чёртова мистика какая-то. Трое историков заперлись в музейной избе для исследования артефактов. Еды у них было на неделю. А через четыре дня их нашли мёртвыми — высохшими, словно мумии. И ни крошки не съели. Местные шепчутся про древнее проклятие. Ты вон с той болотной историей справился. Разберись и с этой.

Певнев промолчал. После месяцев бумажной работы в областном управлении — рапорты, проверки, бесконечные беседы с психологом ведомственного госпиталя — ему требовался выезд. Настоящее дело. Чтобы доказать начальству и самому себе: он всё ещё следователь, а не сломанный инвалид.

Катер сбросил скорость, выходя к деревянной пристани. Кизи встретили его промозглой тишиной, нарушаемой лишь гулким карканьем воронья да скрипом старых брёвен под порывами ветра.

Музей под открытым небом объединял десятки шедевров деревянного зодчества. Свежённые со всего Заонежья церкви, крестьянские избы и мельницы дышали суровой стариной — в потемневших от времени срубах не было ни капли новодела.

В межсезонье, когда поток туристов иссякал, остров становился безлюдным. Лишь несколько зрителей музея и учёные, получившие разрешение на исследования, оставались здесь в преддверии зимы.

На пристани Певнева ждала женщина лет пятидесяти в тёмной куртке с нашивкой «Охрана музея». Лицо осунувшееся, под глазами тёмные круги.

— Владимир Борисович? Я Светлана Игоревна Рыбакова, начальник охраны. — Она протянула влажную от тумана ладонь. — Спасибо, что так быстро приехали. Это... это кошмар какой-то.

— Где тела?

— В морге музейном. Мы их не трогали, как вы по телефону просили. Только вынесли из избы, где нашли. Там запах был... — Рыбакова поморщилась. — Пойдёмте, я провожу.

Они двинулись по деревянному настилу вглубь территории заповедника. Массивные срубы высились по обеим сторонам дорожки, почерневшие от времени брёвна блестели от влаги.

— Расскажите, что случилось. — Певнев достал диктофон, включил запись.

Рыбакова тягостно вздохнула.

— Одиннадцать дней назад, двадцать пятого сентября, к нам пожаловала московская группа — трое историков, экспертов по карельскому фольклору. Причём люди, видно, с весом: даже из министерства звонили, просили принять по высшему разряду. Им тут же открыли доступ во все фонды. Поселили их в гостевом доме для сотрудников — здесь неподалёку, там и свет есть, и печка исправная.

— Имена погибших.

— Кирилл Леонидович Сомов, руководитель группы, сорок два года. Егор Викторович Туманов, тридцать четыре. И Лариса Олеговна Нечаева, двадцать девять лет.

Он мысленно отметил: тридцать-сорок лет, самый расцвет сил. Полевые историки — народ крепкий, с хроническими болячками в экспедиции не берут. И чтобы такие высохли насмерть в натопленной избе за четыре дня?

— Продолжайте.

— Они работали в основном с текстилем из фондов, изучали вышивки, орнаменты. Пару раз заходили в читальный зал, делали фотографии. Связь на острове плохая, но они предупредили, что на четыре дня полностью закроются для концентрации на материале. Попросили не беспокоить. Мы привезли им продукты — консервы, крупы, хлеб, тушёнку. Воду из нашей скважины, она чистая.

— И что потом?

— Пятого октября, примерно в десять утра, наш зритель Пётр Кузьмич пошёл проверить, всё ли в порядке. Стучит — не отвечают. Окна занавешены. Он вокруг обошёл, снова к окну, заглянул в щель между шторок и... увидел.

Её голос дрогнул.

— Увидел что?

— Они лежали на полу. Пётр Кузьмич сначала подумал — угорели. Мы дверь вскрыли, зашли, а там...

Она осеклась, прижав ладонь к горлу, словно ей не хватало воздуха.

Следователь остановился, заставив её посмотреть ему в глаза:

— Светлана Игоревна. Я читал протокол осмотра места от вашего районного дежурного. Я знаю, что там полно нетронутой еды и воды. Мне нужны детали, которые в протокол не попали. Что вы ещё видели?

Начальница охраны облизала сухие губы.

— Лица у них были... измученные. Как будто они страдали от чего-то невыносимого. Они вели какие-то записи в тетрадях. Бредовые. Что еда превращается в прах, что вода словно песок во рту. Что они видят тени. Наш фельдшер, когда осматривал тела, сказал — типичная смерть от голода. Но как, Владимир Борисович, как можно умереть от голода в четырёх стенах, где консервов на неделю?!

Певнев поджал губы. Прошлые дела научили его одному: когда на месте преступления видимость сверхъестественного — ищи яд, технику и человека с мотивом.

— Где этот дом?

— Сейчас провожу. Но предупреждаю — там до сих пор тяжело находиться. Запах въелся в стены.

Они свернули с главной тропы на узкую, петляющую между покосившимися амбарами дорожку. Вороньё, сидевшее на коньках крыш, взорвалось карканьем, чёрным облаком взметнувшись к лесу.

Впереди показался современный деревянный дом цвета охры. Окна плотно занавешены, на двери трепещет на ветру полицейская лента. Оставив до крыльца метра три, следователь остановился и огляделся: постройка стояла у самой воды, выходя фасадом на стылую гладь озера.

Майор достал блокнот, сделал быстрый набросок плана местности. Только потом шагнул на скрипучие ступени.

— Дверь была закрыта изнутри на крючок?

— Да. Петру Кузьмичу пришлось разбить стекло и залезть через окно в дом, чтобы открыть дверь изнутри. Он рассказывал, что пока шёл к двери, чуть не задохнулся.

Певнев кивнул. Толкнул массивное дощатое полотно.

Запах ударил мгновенно. Сладковатый, приторный, с нотками разложения и чего-то ещё — застарелого пота, немых тел и странного химического привкуса, который следователь не мог определить сразу.

Он шагнул внутрь. Свет из приоткрытой двери выхватывал из полумрака детали интерьера: массивный стол, кровати вдоль стен, печь в углу, шкафы с посудой.

И продукты. Консервные банки аккуратными рядами на столе. Нераспечатанные. Подсохшая буханка хлеба. Пластиковая пятилитровая бутылка с водой, почти полная.

— Где их нашли?

— Сомова — вот там, у стола. Он сидел на лавке, уронив голову на руки. Туманов лежал у печи. А Нечаева — в комнате, на кровати.

Певнев неторопливо прошёлся по избе, подсвечивая углы мощным тактическим фонарём. В полу никаких щелей, через которые можно было бы пустить газ. Окна закрыты изнутри на шпингалеты, законопаченные паклей. Печная труба цела.

Запертая коробка.

На столе, рядом с нетронутыми консервами, лежали три полевых дневника в чёрных дерматиновых обложках. Певнев надел латексные перчатки, открыл первый.

Почерк мелкий, старательный. Датировано первым октября:

«Разместились в доме для приезжих. Условия спартанские, но терпимые. Печь топится отлично. Заходил Каргин. Навязывал свои услуги. Кирилл выставил его, но старик успел рассказать жутковатую местную байку о „ведуньях порога“. Якобы триста лет назад здесь сожгли семерых ведьм, и теперь их тени — высокие жёничины с закрытыми лицами — приходят к тем, кто оскверняет старину. Кирилл Леонидович ничего не сказал, а Лариса почему-то впечатлилась. Весь вечер рисовала в блокноте высокие чёрные силуэты без лиц. Говорит, не может выбросить их из головы.

Кирилл Леонидович утвердил план работы: сосредоточимся на анализе орнаментов из коллекции «Калевала». Егор настаивает, что мотивы на полотенцах — не просто декор, а зашифрованная мифологическая система.

Завтра начинаем».

Следующие страницы — научные выкладки, схемы орнаментов, вклеенные фотографии. Почерк ровный, записи методичные.

Певнев перелистнул к последним страницам. Датировка — третье октября. Почерк дрожащий, строчки кривые:

«Что-то не так. Кирилл Леонидович жалуется на тошноту. Я открыл банку тушёнки — запах нормальный, срок годности в порядке. Но стоило положить в рот... вкуса нет. Только отвратительная, сухая масса. Давлюсь. Лариса пыталась сварить кашу — та же история. Крупа словно песок на зубах. Воду тоже не можем пить. Когда пытаешься глотать — горло сжимается, как будто петля на шее. Лариса давилась, её рвало, чуть не задохнулась. Губы потрескались. Язык распух.

Егор трижды подходил к двери — и не мог открыть. Не физически. Психически. Говорит, за порогом кто-то ждёт. Я попытался сам — и рука застыла на крючке. Леденящий ужас, парализующий волю. Кирилл пытался выбить окно — и потерял сознание от сердечного приступа (или это был страх?)».

Следующая страница. Утро. Четвёртое октября:

«Ночью не спали — тени стучат в окна, скалятся, завывают, зовут. Они реальные. На стекле остаются следы от их рук. У Ларисы началась кровавая рвота. Кирилл почти не встаёт. Боль в желудке невыносимая... Мы умираем».

Следователь подошёл к окну. На стекле ни следов, ни отпечатков. Галлюцинации? Или жертвы стёрли их сами, в приступе страха?

Последняя запись. Буквы почти нечитаемые:

«Понял. Мы осквернили. Полотенца... мы не должны были... тени забирают... нашу способность... принимать жизнь... прости...»

Текст обрывался на полуслове.

Певнев закрыл дневник. Огляделся. В избе не было следов насилия, борьбы или постороннего вмешательства. Трое здоровых людей добровольно заперлись, и за четверо суток их организмы пожрали сами себя, отказываясь принимать пищу.

Противоречие. Но — реальное.

— Светлана Игоревна. — Следователь повернулся к застывшей в дверях начальнице охраны. — Эти полотенца, о которых пишет жертва. Что с ними делали историки?

Рыбакова нервно поправила воротник куртки.

— Они работали с экспонатами из запасников. Ритуальные полотенца — «набожники» по-карельски. Их вешали в красный угол избы, по поверьям. Некоторые очень старые, языческие ещё, с орнаментами-оберегами. Сомов просил доступ к самым древним образцам из коллекции. Мы дали разрешение.

— Мне нужно осмотреть эти полотенца. Сейчас. И поговорить с тем, кто выдавал их из запасников.

— Это Варвара Александровна, наш главный хранитель. Но она после того, как тела нашли, на больничный ушла. Нервы не выдержали.

— Тогда ведите к запасникам.

Майор последний раз окинул взглядом избу. Еда, вода, тепло. И три трупа, умерших от голода.

Где-то здесь был яд. Или психологическая ловушка. Или и то, и другое.

И он найдёт ответ. Потому что мистики не существует.

Существуют только люди и их преступления.

ГЛАВА 2. Запасники

Основное фондохранилище заповедника располагалось в Петрозаводске, в здании бывших ремесленных мастерских. Но небольшая часть экспонатов, с которыми работали исследователи, хранилась в здании администрации музея.

Рыбакова провела магнитной картой по считывателю. Замок щёлкнул, выпуская струйку холодного воздуха с характерным запахом нафталина, старой ткани и музейной пыли.

Внутри царил искусственный полумрак. Металлические стеллажи уходили в глубину помещения. Монотонный гул климатических установок нарушал тишину — здесь, среди мертвых тканей, умные датчики маниакально поддерживали идеальную сухость и температуру.

— Ритуальный текстиль в третьем секторе. — Начальница охраны провела следователя между стеллажами и остановилась: — Вот здесь.

Она указала на длинный металлический шкаф с прозрачными дверцами. Внутри на специальных держателях висели десятки полотенец — узких, длинных полос ткани, покрытых геометрическими узорами. Красные, чёрные и белые нити складывались в гипнотические орнаменты: ромбы, кресты, стилизованные фигуры людей и животных.

Певнев пригляделся. Некоторые полотенца были явно новоделом — яркие, краски свежие. Но три экземпляра в центре шкафа выделялись. Ткань потемневшая, местами истлевшая, узоры выцветшие. От них веяло настоящей стариной.

И чем-то ещё. Каким-то тяжёлым, едва уловимым запахом.

— Эти трое изучали именно эти образцы? — спросил он, указав на старые полотенца.

— Да. Это весьма ценные экспонаты. Датируются XVII веком. Найдены в районе заброшенного карельского погоста в Корбе. По преданиям, их ткали особые женщины — «ведуньи порога». Полотенца развешивали в домах, где случилась насильственная смерть, чтобы душа не застряла между мирами.

Майор присел на корточки, разглядывая нижний край одного из полотенец через стекло. В свете фонаря на истлевшей ткани проступали тёмные пятна, въевшиеся глубоко в волокна.

— Это кровь?

— Возможно. Мы не проводили анализ — боимся повредить экспонат. Но по легенде, полотенца действительно вымачивали в крови жертвы, чтобы «связать дух».

— Открывайте шкаф. Мне нужны образцы ткани.

— Но Владимир Борисович, это же культурное наследие...

— Я не собираюсь их портить, Светлана Игоревна. Я ищу следы, — спокойно оборвал её следователь. — Три человека мертвы. Открывайте.

Рыбакова нехотя достала связку ключей. Дверца шкафа открылась беззвучно — внутри поддерживалась инертная атмосфера азота для сохранности тканей.

— Светлана Игоревна, включите, пожалуйста, камеру. Будете фиксировать процесс изъятия.

Майор надел латексные перчатки и медицинскую маску. Достал из полевого набора криминалистический пинцет и стерильный пластиковый зип-пакет. Он ещё раз внимательно осмотрел ткань и осветил фонариком дно шкафа прямо под древними полотенцами.

На белом пластике подставки лежал тонкий слой серой пыли — истлевшие микроволокна, отпавшие от ткани за то время, пока историки перекладывали экспонаты. Аккуратными движениями Певнев собрал эту пыль и пару отслоившихся тёмных нитей в пакет.

— Они трогали их руками? — спросил следователь, уловив сладковато-гнилостный запах, исходящий от полотенец.

— Да, конечно. В перчатках, но трогали. Фотографировали под разными углами, делали зарисовки орнаментов, брали пробы нитей для определения красителей.

— Значит, контакт был прямой, — пробормотал себе под нос Певнев и сфотографировал полотенца с разных ракурсов. — Кто ещё имел доступ в запасники за последний месяц?

— Только Варвара Александровна, главный хранитель. И я. Больше никого. У нас режим строжайший.

— Мне нужен адрес Варвары Александровны. И пофамильно: кто был на острове, когда всё случилось?

— Будет сделано. Поднимем архивы в конторе, там всё есть.

Певнев вышел из запасников. Мелкий дождь превратился в плотную морось, окутывающую остров молочно-белой пеленой. Старинные избы проступали из тумана призрачными силуэтами.

— Теперь к телам, — сказал он, поднимая воротник штормовки. — Мне нужно увидеть их своими глазами.

Погибших временно, до приезда следователя, разместили в подвале — небольшом, выложенном кафелем помещении с тремя металлическими каталками. Промышленный холодильник в углу монотонно гудел, поддерживая температуру чуть выше нуля.

На каталках под белыми простынями лежали тела.

Певнев откинул простыню с первого трупа.

Кирилл Сомов, сорок два года. Руководитель группы.

Вид мужчины, который, судя по фотографии в паспорте, когда-то был полноватым, потряс даже видавшего виды следователя.

Кожа истончилась, натянувшись на скулах пожелтевшим пергаментом. Щёки запали так глубоко, что скулы выпирали острыми углами. Глаза ввалились в орбиты. Губы ссохлись, обнажив зубы в жуткой, мёртвой улыбке.

Следователь отогнул край больничной рубашки, в которую тело переодели в морге. Рёбра проступали чётким рельефом под натянутой, пожелтевшей кожей. Живот провалился внутрь, будто всё содержимое брюшной полости испарилось.

— Сколько он весил при жизни?

— По медкарте — восемьдесят два килограмма, — тихо ответила Рыбакова, отвернувшись.

— А сейчас?

— Районный патологоанатом взвешивал... семьдесят три килограмма. Девять килограммов за такой срок... это медицински невозможно! — Голос начальницы охраны дрогнул. — Тело высохло, мышцы истаяли.

Певнев нахмурился. Девять килограммов за четыре дня. Обезвоживание плюс голодание — теоретически возможно, если организм сжигал мышцы и терял воду одновременно. Но чтобы тело так высохло, нужны экстремальные условия. Или токсин, ускоряющий метаболизм.

Майор осмотрел руки покойного. Пальцы тонкие, как птичьи лапки. Ногти синюшные, слоющиеся. На подушечках — странные, мелкие царапины, словно Сомов что-то скрёб.

Затем откинул простыни с двух других тел. Туманов и Нечаева выглядели не лучше. Те же сухие, безводные тела, ввалившиеся глаза и оскаленные черепа.

Но у Ларисы Нечаевой было дополнение. На губах и подбородке — засохшие корки бурого цвета. Рвотные массы.

— Районный патологоанатом делал вскрытие?

— Нет. Он только внешний осмотр провёл и констатировал смерть. Сказал — типичная алиментарная дистрофия, пусть областная экспертиза разбирается.

— Значит, внутренние органы не исследованы, — пробормотал себе под нос Певнев.

Ему срочно требовался нормальный судмедэксперт. Местные специалисты в глубинке часто работали спустя рукава, а здесь каждая деталь могла быть критичной.

Он вышел из морга, жадно втягивая сырой, но свежий воздух. Дождь усилился, барабанил по крышам музейных построек.

Певнев достал телефон. Связь на острове едва теплилась, но всё же зацепилась за вышку. Он быстро набрал номер областного бюро судмедэкспертизы.

— Говорит майор Певнев, СК. Мне нужен выездной эксперт на Кизи. Три трупа, подозрение на отравление неустановленным веществом. Срочно.

Короткая пауза. Затем женский голос в трубке устало ответил:

— Есть вариант. Елизавета Соколова, наш лучший токсиколог. Стоило ей услышать про Кизи — сама вызвалась. Говорит, это её тема.

— Отлично! Пусть берёт полевой набор и приплывает первым катером.

Певнев отключился, сунул телефон в карман. Токсиколог — именно то, что ему требовалось. Если здесь яд, а следователь не сомневался в этом, специалист вычислит его.

— Светлана Игоревна, — он обернулся к Рыбаковой. — Покажите мне остальных, кто был на острове в момент смерти. Всех, без исключения.

В конторе музея, в небольшой комнате с потрескивающей буржуйкой, Рыбакова разложила перед следователем список.

— На момент смерти группы Сомова на острове находились: я, трое смотрителей музея — Пётр Кузьмич Ларин, шестьдесят три года, Ольга Матвеевна Колесова, пятьдесят восемь, и Иван Дмитриевич Плотников, сорок один год. Ещё рабочий по обслуживанию котельной — Савелий Зорин, тридцать пять лет. Временно проживающий на острове художник Глеб Маратович Костромин, сорок семь, он здесь уже три недели пишет серию картин. И... да, почти забыла. Роман Степанович Каргин, шестьдесят шесть лет. Он этнограф на пенсии, живёт на материке, но часто приезжает волонтером, помогает с каталогизацией.

Певнев вчитался в список. Восемь человек. Один из них — убийца.

— Кто из них имел конфликт с погибшими?

— Конфликт? — она растерянно заморгала. — Да никто, Владимир Борисович. Группа Сомова первый раз на Кизях была. Тихие, интеллигентные люди. Ни с кем не ссорились.

— А этот художник? Что он здесь делает в межсезонье?

— Глеб Маратович? Он известный живописец, заказ от министерства культуры получил — серию картин «Кизи вне времени». Станный, конечно, человек. Нелюдимый. Но агрессии никакой.

Майор сделал пометку в блокноте. Художники часто работают с химикатами — растворители, лаки, пигменты. Некоторые краски на основе тяжёлых металлов токсичны.

— Этнограф, Каргин. Что насчёт него?

— Роман Степанович? Он здесь почти местный. Всю жизнь карельский фольклор собирает. Очень помогает музею — безвозмездно консультирует, атрибутирует находки. Добрейший человек.

Следователь усмехнулся. Опыт подсказывал: самые опасные убийцы часто прячутся за маской благообразия и народной мудрости.

— Он был на острове, когда группу нашли?

— Да. Приехал на третий день их работы. Хотел познакомиться, предложить помощь с расшифровкой орнаментов. Но Сомов отказался, сказал, что они заняты.

— Как отреагировал Каргин?

Светлана Игоревна задумалась:

— Обиделся, по-моему. Буркнул что-то про «городских выскочек» и ушёл. Больше к их дому не подходил.

Мотив? Обида учёного-самоучки на дипломированных конкурентов? Слабовато. Но сбрасывать со счетов нельзя.

Раздался отрывистый стук в дверь. На пороге появился старый, сутулый мужик в телогрейке и резиновых сапогах. Лицо обветренное, глаза тусклые, добрые.

— Светлана Игоревна, вы меня звали? — хрипло спросил он.

— Да, Петя, заходи. Это майор Певнев из управления. Владимир Борисович, это Пётр Кузьмич Ларин, наш старший смотритель. Он первым тела и нашёл.

Певнев жестом указал старику на стул:

— Присаживайтесь. Расскажите всё по порядку, как было.

Ларин грузно опустился, стянув промокшую кепку. От него пахло махоркой и сыростью.

— Да что рассказывать-то... Пятого с утра пошёл проверять. Постучал — тихо. Обошёл дом кругом — окна занавешены, из трубы дым не идёт. Печь, значит, давно прогорела. Заглянул в щель — вижу, на полу кто-то лежит. Ну, я и побежал за Светланой Игоревной. Разбили окно — зашли. А там... Господи Иисусе...

Кузьмич размашисто перекрестился.

— Они лежали как покойники, давно упокоенные. Сухие такие, лёгкие. Я Сомова за плечо тронул — думал, может, жив ещё. А он холодный весь, коченеть стал, и кожа... кожа на кости натянута, будто на барабан.

— Стоп. Вы сказали «коченеть стал», то есть тело ещё не было «деревянным»?

— Да. Когда я его за плечо потряс, рука с тела соскользнула.

— Хорошо. Значит, с момента смерти прошло не более пяти-шести часов. Вы что-то трогали ещё? Переставляли?

— Нет, что вы! Я сразу понял — дело плохое. Вышел, Светлане Игоревне доложил. Та в районное позвонила. Оттуда врача прислали катером, он осмотр провёл, смерть констатировал.

— Скажите, Пётр Кузьмич, — Певнев наклонился вперёд, глядя старику прямо в глаза. — А вы лично видели, как эти трое работали с полотенцами?

Ларин кивнул:

— Видел. Я к ним на второй день заходил — спросить, не нужно ли чего. Они вот за тем столом сидели, вроде как обряд справляли. Полотенца те самые, старые, на стол разложили. Свечи зажгли кругом. Сомов вслух чего-то читал по тетрадке. Я спросил, что делают. Он ответил — реконструкция ритуала поминального, научная. Говорит, в старину карелы так души упокаивали.

Певнев нахмурился. Реконструкция ритуала. Свечи. Чтение вслух.

— Вы слышали, что он читал?

— Не расслышал. Что-то на карельском, наверно. Или на финском. Я в языках не силен.

— Вы заходили в избу после того?

— Нет. Они попросили не беспокоить, на двери табличку повесили: «Не входить. Идёт научная работа».

Певнев навалился на спинку стула. В голове начала формироваться первая зыбкая гипотеза.

Что, если убийца не проникал в избу физически? Что, если отравление произошло ещё до того, как группа заперлась?

Старые ритуальные полотенца. Контакт с ними. Свечи — горение в замкнутом пространстве. Вдыхание дыма.

— Пётр Кузьмич, вы давно здесь работаете?

— Да всю жизнь, почитай. Сорок лет в музее.

— Вы знаете легенды о полотенцах? О «ведуньях порога»?

Смотритель помрачнел. Добродушие на лице сменилось тревогой.

— Слышал. Старики в детстве рассказывали. Говорили, полотенца те были не простые. Ткали их женщины проклятые — те, кого карелы из общины изгоняли за колдовство. Полотенца вешали на похоронах людей, умерших плохой смертью — убитых, утопленных, проклятых. И ткань, говорят, пропитывали не просто кровью. Там был состав особый. Из трав ядовитых, из грибов поганых. Чтобы связать злого духа.

— То есть полотенца были отравлены изначально?

— Ну... легенда такая есть. Старухи говорили — кто полотенце смертное руками голыми возьмёт, того «тень порога» заберёт. Он перестанет видеть грань между миром живых и мёртвых. Еда живых станет ему как прах.

Певнев почувствовал, как что-то щёлкнуло в голове.

Токсин контактного действия. Проникает через кожу при долгом соприкосновении, накапливается постепенно и со временем блокирует вкусовые рецепторы, вызывая физиологическое отвращение к пище.

Три историка работали с полотенцами несколько дней. Трогали их, фотографировали, возможно, вдыхали частицы истлевшей ткани. Токсин попал в организм. А когда они заперлись для «концентрации на работе», яд достиг критической концентрации.

Они физически не могли есть. Организм отторгал пищу. И за четверо суток сгорели изнутри.

Но оставался ключевой вопрос: если полотенца были отравлены три столетия назад, почему яд до сих пор активен? Органические токсины распадаются. Если только...

— Кто реставрировал эти полотенца?

— Варвара Александровна, — не задумываясь, ответила начальница охраны. — Они с Каргиным их из экспедиции привезли. Нашли в заброшенном доме около двадцати лет назад. Потом она их восстанавливала, консервировала. Это её главная гордость.

Певнев посмотрел в окно, на затянутое туманом озеро. Варвара Корнева. Главный хранитель, которая «слегла с гипертоническим кризом» сразу после смерти группы. Слишком удобно.

Ему срочно нужно было попасть в Петрозаводск.

— Светлана Игоревна, когда следующий катер в Петрозаводск?

— Через два часа. Но, Владимир Борисович... вы же только приехали. Может, сперва остальных опросите?

— Опрошу. Но начну с художника. Где его найти?

— Глеб Маратович в старой мельнице обосновался. Мастерскую там устроил. Идти минут десять, я провожу...

— Не нужно. Просто покажите направление. Я сам.

Она указала рукой в сторону северной оконечности острова.

— Вон туда, за часовню. Там мельница видна будет. Только он нелюдимый. Может не открыть.

— Откроет, — холодно бросил Певнев, проверяя, на месте ли удостоверение СК. — У него нет выбора.

Он накинул капюшон, вышел под дождь.

Художник. Человек, работающий с токсинами профессионально. Свинцовые белила, кадмий, мышьяк в старинных пигментах. Растворители, способные проникать через кожу.

Певнев зашагал по скользкой от дождя дороге, обходя лужи. Старинные избы молчаливо смотрели пустыми глазницами окон. Вороны метались над куполами церквей, каркая тревожно и протяжно.

Впереди, сквозь пелену дождя, проступил почерневший от времени силуэт ветряной мельницы.

ГЛАВА 3. Художник

Мельница стояла на самом краю острова, нависая над серой, пенящейся водой. Огромные лопасти, почерневшие от столетий дождей, были неподвижны — их заклинили много лет назад. Деревянная конструкция покосилась, вращаясь в землю под собственным весом.

Но из узких окон второго яруса пробивался тусклый, желтоватый свет.

Певнев поднялся по скрипучим ступеням лестницы. Массивная дверь была приоткрыта. Изнутри тянуло теплом печки и резким, бьющим в нос химическим коктейлем: скипидар, олифа, ацетон и что-то ещё незнакомое, резкое.

Следователь негромко постучал в дверной косяк.

— Глеб Маратович? Можно войти?

Из глубины мастерской донеслось:

— Закрыто. Служебное помещение.

Голос низкий, прокуренный.

Певнев аккуратно толкнул дверь и переступил порог.

Внутреннее пространство мельницы было переоборудовано под мастерскую. Пол укрывал заляпанный краской брезент, а вдоль стен теснились шеренги громоздких мольбертов. На натянутых холстах застыли незавершённые пейзажи Кижей — церкви, избы, лодки — но все они казались мрачными, пропитанными тревогой. В этих серо-чёрных тонах, кровавых закатах и пустых улицах живописец писал не музей под открытым небом, а вымерший некрополь.

У единственного окна, спиной к двери, стоял высокий, сутулый мужчина в забрызганном краской халате. Он склонился над мольбертом, водя кистью по холсту мелкими, нервными мазками.

— Простите за беспокойство, — сказал Певнев. — Меня зовут Владимир Певнев, я расследую гибель московских историков. Хотел бы задать пару вопросов, если не помешаю.

Кисть художника замерла. Он неторопливо обернулся.

Костромин оказался мужчиной неопределённого возраста: может, сорок, а может, и шестьдесят. Измождённое лицо с глубокими морщинами, длинные, спутанные седеющие волосы, всклокоченная борода. Но главное — глаза. Тяжёлые, кровянистые, с лопнувшими сосудами в белках. Взгляд человека, который давно не спит.

— Быстро. — Уголок губ живописца дёрнулся в странной, неуместной усмешке. — Значит, прибыли. Я думал, ещё неделю спокойно поживу.

Певнев внутренне подобрался, но голоса не повысил.

— О чём вы, Глеб Маратович?

Костромин повернулся к мольберту, отложил кисть, вытер испачканные краской пальцы о халат.

— О мёртвых. Думаете, я их отравил?

Прямота застала врасплох. Певнев привык, что подозреваемые юлят, отпираются, строят из себя невинных агнцев. Но этот просто выложил карты на стол.

— Продолжайте, — выдохнул Певнев, не глядя на собеседника.

Костромин усмехнулся шире. В полумраке мастерской его лицо казалось черепом, туго обтянутым серой, шелушащейся кожей.

— Видел я их. На третий день, под вечер.

— Что именно вы видели?

— Как сидели за столом. Неподвижно. Я закат писал неподалёку, — Костромин кивнул на холст в углу. — Скверно они выглядели. Лица землистые, со смертной печатью.

— И вы не зашли? Не спросили, что случилось?

— Зачем? — художник наконец обернулся. В его налитых кровью глазах плескалось что-то жуткое. — Творец должен созерцать, а не вмешиваться.

— Вы видели умирающих людей и не вызвали врача? — голос Певнева стал жёстче. — Это оставление в опасности.

Костромин повернулся. Руки его подрагивали.

— А толку? Я видел такое уже. В Чечне, в девяносто пятом. Я был военным художником. Документировал. Блокадный Грозный, помните? Когда людей держали без воды и еды в подвалах. Я видел, как выглядят те, кто дошёл до точки невозврата. У этой троицы был именно тот взгляд. Они уже перешли черту.

Певнев достал блокнот, записал.

— Вы работаете с химикатами. Краски, растворители, лаки. У вас здесь целая лаборатория. Покажите, что на полках.

Костромин не сопротивлялся. Просто устало махнул рукой в сторону стеллажа у стены:

— Валяйте. Там свинцовые белила, кадмий, кобальт, умбра жжёная. Растворители — скипидар, уайт-спирит. Ничего запрещённого. Всё легально закуплено через музейный магазин.

Певнев подошёл к стеллажу. Десятки пузырьков, банок, тюбиков. Он сфотографировал этикетки, затем перевёл взгляд на рабочий стол художника.

Там, среди кистей и палитр, лежал толстый, зачитанный том в кожаном переплёте. Певнев взял книгу. Название на корешке: «Калевала. Карело-финский эпос».

Закладка торчала на странице с заголовком: «Руна о Лоухи».

— Интересуетесь местным фольклором?

— А как же. Три недели здесь живу — волей-неволей проникаешься. Роман Степаныч, этнограф, подсунил почитать. Сказал, что для атмосферы полезно. Чтобы дух места поймать кистью.

Роман Каргин. Этнограф. Второй раз всплывает его имя.

— Он часто к вам заходит?

— Пару раз был. Чай гонял, про старину байки травил. Мужик учёный, интересный. Правда, со странностями.

— Какими?

Костромин почесал бороду, размазывая по щеке пятно синей краски.

— Одержимый он какой-то. Про погост местный все уши прожужжал. Говорил, что на острове Большой Клименецкий в деревне Корба полтора века назад староверы жили. И все разом куда-то пропали. Сотни людей... Роман Степаныч одержим идеей провести там раскопки, возможно, найти доказательства, раскрыть тайну...

— И при чём тут историки, которые умерли?

— Так они же из Москвы! Учёные! — Костромин нервно хохотнул. — Сомов считался светилом карельской этнографии. А Роман Степаныч — самоучка. Без диплома, без степеней. Музей его из жалости консультантом держит. Когда Сомов на остров приехал, Каргин прибежал, предложил совместное исследование этой деревушки. Хотел, чтобы москвичи придали его изысканиям вес, помогли добиться разрешения на раскопки. А Сомов его послал. Сказал, что дилетантам в серьёзной науке делать нечего.

Мотив. Классический, человеческий мотив. Униженное самолюбие фаната-одиночки, которого высокомерные академики публично поставили на место.

— Где сейчас Роман Степанович?

— На острове. Живёт в служебном флигеле за конторой.

Певнев сделал паузу, изучая собеседника.

— Последний вопрос, Глеб Маратович. Почему вы не едите?

Костромин замер. Его спина под забрызганным краской халатом окаменела.

— С чего вы взяли?

— Я видел вашу мастерскую. Здесь нет ни крошки еды. Ни консервов, ни хлеба. Только две пустые бутылки из-под воды в углу. Вы здесь третью неделю живёте. Чем питаетесь?

Костромин медленно повернул голову, глядя на Певнева сквозь сетку лопнувших капилляров.

— На воде. Только на воде. Я творец. Мне нужно понять смерть, чтобы написать её. А голод — самая медленная, самая мучительная смерть. Я хочу почувствовать её изнутри. Понимаете? Изнутри.

Певнев не дрогнул. Лицо оставалось спокойным, но внутри что-то сжалось.

— То есть вы добровольно голодаете?

— Уже одиннадцать дней. — Костромин облизал потрескавшиеся губы. — Ещё немного — и я увижу те самые тени, о которых писали историки в дневниках. Я уже начинаю слышать шёпот. По ночам. Он идёт из углов. Мне кажется... мне кажется, что я понимаю, что они чувствовали перед смертью.

Певнев оглядел художника. Халат висел мешком на костлявых плечах. Руки дрожали — на холсте мазки были кривыми, размазанными. Костромин опирался на край мольберта, чтобы не упасть.

— Вы еле стоите. Как вы вообще работаете?

— Через боль, — хрипло ответил Костромин. — Искусство требует жертв.

Певнев выдержал паузу. Потом тихо, почти по-отечески сказал:

— Глеб Маратович, мне нужно, чтобы вы оставались на острове и были на связи. Вас будет навещать кто-то из зрителей — проверять ваше состояние. Если что-то вспомните или вам станет хуже — сразу дайте знать. Идёт?

Художник кивнул, уже не глядя на следователя. Он уже был там, в своём творчестве, у мольберта.

Следователь задержал взгляд на холсте, который писал Костромин. Семь чёрных фигур, расположенных в круге. В центре — восьмая, едва намеченная. Все фигуры были женскими, в длинных одеждах, с пустыми провалами вместо лиц.

— Что это? — кивнул Певнев на картину.

— Ведуньи порога, — Костромин говорил монотонно, как под гипнозом. — Семь старух-колдуний, которые стоят на границе между миром живых и мёртвых. Роман Степаныч рассказывал. Это местная легенда. Сказывают, что семь ведуний провели обряд и открыли врата. Все жители Корбы ушли за порог. А ведуньи остались стоять. До сих пор стоят. Охраняют проход.

— А восьмая фигура в центре?

Костромин повернул голову. В его взгляде было что-то жуткое, отрешённое.

— Это тот, кто войдёт в круг. Кто станет частью ритуала. Восьмая фигура — это жертва. Или избранный. Ещё не решил.

Певнев вгляделся в холст. Восьмая фигура была написана иначе — небрежно, словно живописец не мог определиться с её обликом. Или намеренно оставлял место для конкретного человека.

— Вы уже знаете, кто это будет?

Костромин медленно повернул голову. Улыбка исказила его черты:

— Узнаю, когда придёт время.

— Хорошо, Глеб Маратович. Работайте. Я буду присматривать за вами.

Он вышел из мельницы. Дождь усилился. Ледяные струи барабанили по капюшону, стекая за шиворот.

Певнев достал блокнот, сделал записи под козырьком крыльца:

«Костромин Г.М. — подозреваемый № 1. Мотив слабый, но психически нестабилен. Добровольное голодание — имитация жертв или совпадение? Параноидальное расстройство. Связь с Каргиным — проверить немедленно! Картина с семью фигурами — что это? Ритуал? Навязчивая идея? Приставить наблюдение».

Певнев спрятал блокнот и направился к административному корпусу.

Ему нужно было найти этнографа Каргина.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как из-за угла часовни вынырнула фигура в тёмном плаще.

Певнев шагнул в сторону, инстинктивно подобрavшись.

— Товарищ майор! — задыхаясь, выкрикнул Пётр Кузьмич, старший смотритель. Лицо его было мокрым не только от дождя — по щекам текли слёзы. — Товарищ майор, там... там ещё одна!

— Ещё одна что?

— Жертва! Ольга Матвеевна! Смотритель наша! Я её в доме музейном нашёл — она лежит без сознания! Худая страшно! Как мертвец! Скорую вызвали, но она с материка прибудет нескоро... С ней сейчас доктор Соколова — она из области прибыла!

Певнев чуть ли не бегом направился к дому смотрителей, который располагался рядом с административным корпусом. Он влетел в прихожую, сбросив на ходу мокрую куртку.

В небольшой, натопленной до духоты комнате на широкой кровати лежала женщина лет пятидесяти. Вид её был чудовищен. Щёки провалились, обнажая скулы. Кожа натянулась на костях с восковой желтизной. Дыхание поверхностное, прерывистое.

Над ней склонилась молодая женщина в медицинском халате — лет тридцати пяти, с тёмными волосами, собранными в строгий узел. Она мерила пульс, глядя на циферблат часов.

— Вы эксперт из области?

Женщина обернулась. Взгляд цепкий, профессиональный.

— Елизавета Соколова, судмедэксперт, токсиколог. Прибыла полчаса назад. Светлана Игоревна меня сразу сюда привела, когда женщину нашли.

— Что с ней?

— Алиментарная дистрофия второй-третьей степени. Пульс нитевидный, сорок ударов. Давление критическое — семьдесят на сорок. Кетоацидоз — организм начал поедать себя. Ей нужна капельница с глюкозой и электролитами, иначе не доживёт до приезда скорой.

Доктор Соколова отточенными движениями достала из саквояжа систему для внутривенных вливаний.

— Секунду, — Певнев остановил её. — Ваши документы.

Женщина не возмутилась. Спокойно достала из нагрудного кармана халата служебное удостоверение, раскрыла перед ним. Свет от настольной лампы выхватил гербовую печать и строгие строки: «Соколова Елизавета Александровна. Врач — судебно-медицинский эксперт».

— Хорошо, Елизавета Александровна. — Певнев кивнул. — Продолжайте.

Доктор наложила жгут на тощую, как ветка, руку Колесовой, нащупала вену, ввела иглу. Она работала быстро, без лишних слов. Певнев заметил: пальцы её не дрожали, взгляд сосредоточен. Хладнокровие профессионала — ни паники, ни суеты.

— Сколько она могла не есть, чтобы дойти до такого состояния?

— Минимум неделю. При полном отсутствии пищи и минимальном потреблении воды. — Соколова подняла на него усталые карие глаза. — Я читала протокол по трём погибшим историкам. Идентичная клиническая картина. Это не совпадение, майор. Здесь либо массовое отравление веществом, блокирующим аппетит и вызывающим отвращение к еде. Либо...

Она замялась.

— Либо что?

— Либо массовый психоз с отказом от пищи. Такое бывает в сектах. Но трое учёных и смотрительница музея — это не похоже на секту.

Певнев присел на край стула рядом с кроватью. Четвёртая жертва. Новая. Значит, это не разовая акция. Убийца продолжает действовать. И если схема та же — голодная смерть — то сколько ещё людей на острове уже отказываются от пищи, не подозревая, что обречены?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.